

Сальвадор Дали. Упорство памяти. 1929 г.

“ирония — это обнажение”

рассказ Сальвадора Дали

В день столетнего юбилея великого художника Газета публикует текст ранее не переводившегося на русский язык рассказа «Святой Себастиан», принадлежащего перу Сальвадора Дали. Этот художественный манифест появился в феврале 1928 года в первом номере журнала «Гальо», который издавал в Гранаде испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка.

СВЯТОЙ СЕБАСТИАН

Федерико Гарсиа Лорке

ИРОНИЯ

Во фрагменте, воспроизведенном Фемистием, Гераклит утверждает, что природе по нраву таиться. Альберто Савиньо же объясняет этот феномен тем, что природа стыдится самой себя. Далее он поясняет, что стыдливость эта имеет этическое обоснование, а породила ее связь природы и человека. И в этом ему видится первопричина возникновения иронии.

В день, когда Энрикет, рыбак из Кадакеса, рассматривал изображенное мной море, он своими словами выразил ту же мысль, сделав такое замечание: «Как настояще! Только на картине лучше, потому что волны можно пересчитать». В замечании Энрикета также могла бы зародиться ирония, если он был бы способен перейти от физики к метафизике. Как мы уже сказали, ирония — это обнажение. Гимнаст, скрывающийся за муками Святого Себастиана. И сами эти муки, раз им можно вести подсчет.

МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ

В том, как управляется с веслами Энрикет, есть медлительность — мудрый способ бездействия. Существует и медлительность, подобная страсти: смиренная медлительность созревания полотен Вермеера Дельфского. Такая медлительность походит на созревание плодов на фруктовых деревьях. Есть и другой вид медлительности — на грани между бездействием и страстью, между манерой управлять с веслами Энрикета и живописью Вермеера. Такая медлительность изысканна. Я имею в виду медлительность уточненной агонии Святого Себастиана.

ОПИСАНИЕ СКУЛЬПТУРЫ СВЯТОГО СЕБАСТИАНА

Я понял вдруг, что Италию я посетил ради выложенной черным и белым мрамором лестницы. Я поднялся по ней. Она привела меня к скульптуре Святого Себастиана, привязанного к стволу старой черешни. Ступни его покоились на расколотой капители. Чем больше я смотрел на скульптуру, тем любопытнее она мне казалась. Голова Святого была раз-

делена на две части: одна, из медузообразного материала, была абсолютно прозрачна, и ее опоясывал тончайший обруч из никеля. Другая же часть представляла собой половину лица, черты которого напомнили мне кого-то очень знакомого. Эта сфера крепилась на основе из белейшего гипса, образовывавшей позвоночник скульптуры. На стрелах была указана их температура, а краткие надписи, выгравированные на стали, гласили: «Приглашение к сгустку крови». В отдельных частях тела вены проступали с интенсивностью грозовой синевы Платинира, выписывая изгибы мучительного сладострастия на кораллово-розовой коже. Добравшись до плеч Святого, вены оставляли свой отпечаток, подобно тому, как направление бриза проступает на чувствительном листе.

ПАССАТЫ И ПРОТИВ НИХ

Коснувшись его колен, слабое дуновение замирало. Ореол мученика напоминал собой горный хрусталь. Кроваво-красная шероховатая морская звезда цвела в его затвердевшем виске.

Точные приборы неизвестной физики отбрасывали объяснительные тени на усеянный ракушками и слюдой песок, подставив свое стекло и алюминий под лучи дезинфицированного света. Выведенная Джорджо Моранди надпись поясняла: «Дистилляционные аппараты».

В МОРСКОМ ВОЗДУХЕ

Каждые полминуты до меня доносились запахи моря, сконструированный и анатомичный, как части краба. Я сделал вдох. Пока еще не было ничего таинственного. Муки Святого Себастиана служили простым предлогом для эстетики объективности. Я снова сделал вдох и на этот раз закрыл глаза, но не мистицизма ради, не для того чтобы лучше видеть платоновое внутреннее «я», а только ради удовлетворения физиологичной чувственности моих век. Затем я медленно прочел названия и четкие указания на аппаратах. Каждая надпись являлась пунктом отправления целой серии услад для интеллекта и новой шкалой уточнений к неизведанной до сих пор нормативности.

ГЕЛИОМЕТР ДЛЯ ГЛУХОНЕМЫХ

Один из аппаратов назывался «гелиометр для глухонемых». Само название навело меня на мысль о связи его с астрономией, но более всего это становилось очевидным при виде его устройства. Этот прибор высокой физической поэзии был сформирован расстояниями и отношением между расстояниями. В одних секторах это отношение было выражено геометрически, а в других — арифметически. В центре находился простой механизм, определяющий агонию Святого. Механизм этот состоял из небольшого гипсового квадрата с нанесенными делениями, в середине которого алый сгусток крови между двумя стеклами выполнял функцию барометра, чувствительного к появлению каждой новой раны. В верхней части гелиометра было установлено увеличительное стекло Святого Себастиана. Стекло это было вогнутым, выпуклым и плоским одновременно. На платиновой оправе чистых и точных стекол виднелась гравировка: «Приглашение к астрономии». Ниже из рельефных букв складывалась надпись: «Святая объективность». А еще на стеклянной палочке с номерком было приписано: «Мера очевидных расстояний среди чистых эстетических ценностей». Рядом, на тончайшей пробирке, виднелось пронизательное замечание: «Очевидные расстояния и арифметические меры среди чистых сенсоральных ценностей». Пробирка была наполовину заполнена морской водой. В гелиометре Святого Себастиана не было ни музыки, ни голоса, а отдельные его части были слепы. Слепые точки аппарата соответствовали его восприимчивой алгебре и были призваны уточнить все самое бессодержательное и сверхъестественное.

ПРИГЛАШЕНИЕ К АСТРОНОМИИ

Я приблизил глаз к линзе, творению медлительной дистилляции, численной и интуитивной одновременно. Каждая капля воды — число. Каждая капля крови — геометрия. Я принялся смотреть. Сперва я почувствовал, как мудрая поверхность обладала мои веки. Затем я увидел череду отчетливых сцен, которые можно было различить со столь необходимой упорядоченностью мер и пропорций, что каждая деталь их открывалась взору как простой и соразмерный архитектурный организм. На палубе белого пакетбота безгрудая девушка учила пропитанных южным ветром моряков танцевать black-bottom. На других океанских лайнерах каждое утро, в час до аперитива, любители танцевать чарль-

стон и блюз созерцали Венеру на дне бокалов с Джин-коктейлем. Все это было слишком далеко от неопределенности, все различалось с большой четкостью, с ясностью увеличительного стекла. Когда мой взгляд останавливался на какой-нибудь детали, она увеличивалась, как на кинематографическом крупном плане, достигая своей самой заостренной пластической категории. Вот вижу в никелированной фаре авто «Изотта Фраскини» женщину, играющую в поло. Как только ее левый глаз привлекает мое внимание, он тут же занимает максимальное зрительное пространство. Один этот глаз, внезапно разросшийся, становится и дном, и поверхностью океана, в котором проплывают все поэтические намеки и обретают форму все пластические возможности. Каждая ресница — новое замедление. Крошки нежной маслянистой туши при микроскопическом увеличении преобразуются в четкие сферы, через которые можно увидеть мадонну Лурдес или «Евангелический натюрморт» (1926) Джорджо де Кирико. Я читаю рассыпчатые буквы печенья SUPERIOR PETIT BEURRE BISCUIT, и слезы наворачиваются у меня на глазах. Вот указатель, а снизу написано: «Направление к Чирико. К пределам метафизики». Тончайшая ветвь крови — немой и обширный план метрополитена. Но за жизнью лейкоцита мне уже не хочется следить, и алые ответвления сворачиваются в крошечное пятно, стремительно преодолев все фазы своего уменьшения. И вот глаз приобретает свой изначальный размер в глубине вогнутого зеркала фары, подобный невиданному организму, в водянистой слезе которого плещутся четкие рыбки отражений. Прежде чем рассматривать дальше, я задерживаю свое внимание на правильности фигуры Святого. Очищенное от символов, уникальное и простое изображение Святого Себастиана стало событием. Только с подобной объективностью можно спокойно наблюдать за звездной системой. И я продолжаю гелиометрическое зрелище. Я полностью отдаю себе отчет в том, что попал на антихудожественную и астрономическую орбиту киножурнала студии «Фокс».

Представление продолжается. Простые действия, которые нагоняют на нас лирическое настроение. Пока девушка за стойкой наливает джин-тоник автомобилистам, изобретателям изощренной смеси азартных игр и черных суеверий в математике моторов, на маленьком фонографе бара звучит мелодия «Dinah». Увиденная из самолета гонка синих «Бугатти» на автодроме Портленда приобретает мечтательность движения гидроидов, спиралевидно погружающихся с раскрытыми парашютами на дно аквариума. Ритм Джозефин Бейкер совпадает с медленным и чистым ритмом растущего с кинематографическим ускорением цветка. Пока еще бриз кино. Белые перчатки на фоне черных клавиш Тома Микса, невинные, как последние любовные скрещивания рыб, стекол и звезд Маркузе. В антитрансцендентной обстановке Адольф Менжу предлагает нам новое измерение смокинга и наивности, уловить которое может позволить только цинизм. Бастер Китон. Вот где чистая поэзия Поля Валери! Постмеханистические проспекты, Флорида, Корбузье, Лос-Анджелес. Аккуратность и ритмичность стандартизированной утилитарности, асептические антихудожественные виды. Сияние конкретное, непритязательное, живое, радостное, уютное, противопоставленное искусству

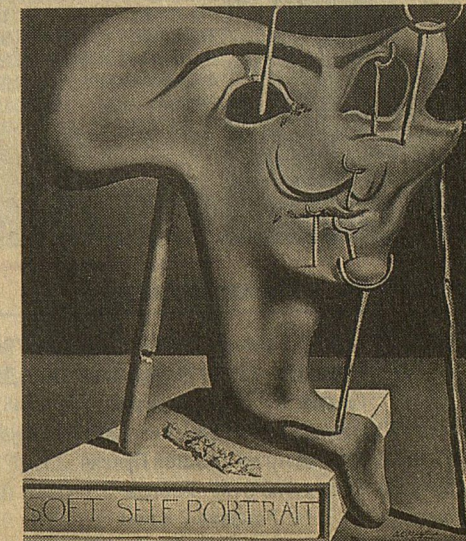
возвышенному, разжижающемуся, горькому, гниющему. Лаборатория, клиника. Белая клиника, застывающая вокруг чистой цветной литографии легких. Пропитанный хлороформом скальпель спит за стеклом витрины, раскиснувшись, как спящая красавица в невообразимом лесу спутанного никеля и мелкого щебня. Американские журналы предлагают нашему вниманию ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧЕК, ДЕВОЧЕК, а в лучах солнца Антибских островов Ман Рэй получает отчетливый «портрет» магнолии, который оказывает на нашу плоть большее воздействие, чем тактильные творения футуристов. Витрина обувного магазина в Гранд-Отеле. Манекены. Манекены, застывшие в электрической роскоши витрин, с нейтральной механической чувственностью и будоражащими сочленениями. Манекены живые, нежно-бестолковые, расхаживающие с переменным ритмом вопреки движению бедер и плеч, прижимая к своим артериям заново изобретенную физиологическую костюма. Губы манекенов. Раны Святого Себастиана.

ГНИЕНИЕ

Через другую сторону увеличительного стекла Святого Себастиана открывался вид на гниение. Здесь все было тоскливым, темным... И нежным. Нежным из-за восхитительного отсутствия духа и естественности. В сопровождении каких-то стихов Данте я разглядывал целый мир сгнившей материи: в отдалении от ясности здесь находились трансцендентные и плаксивые художники, разводящие все виды бактерий и пребывающие в полном неведении относительно точности шкалы дециметра. Семьи, покупающие художественные произведения, чтобы водрузить их на пианино. Сотрудники отдела общественных работ, член собрания с правом голоса, профессор психологии... Дальше мне смотреть расхотелось. Нежные усики контрфорса служащего вызвали у меня умиление. Я сердцем почувствовал всю их изысканную францисканскую поэтичность. Улыбка не сходила с моих губ, хоть на глазах и стояли слезы. Я растянулся на песке. Волны накатывали на берег с умиротворенным шумом «Спящей цыганки» Ари Руссо.

Сальвадор Дали. Художник. Кадакес.

Перевод с испанского специально для Газеты — Наталия Харитонова

Сальвадор Дали. Растекающийся автопортрет. 1941 г.